

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

СНЕЖНАЯ СТРАНА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К12

Серия «Эксклюзивная классика»

Yasunari Kawabata
YUKIGUNI

Перевод с японского *З. Рахима*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина
Цутии Коицу «Пятиэтажная пагода в Никко».

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Кавабата, Ясунари.

К12 Снежная страна : [роман] / Ясунари Кавабата ; [перевод с японского *З. Рахима*]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-160104-1

Япония, 30-е годы XX века. Симамура едет на поезде по снежному горному краю отдохнуть на горячие источники к Комако, которую, по его мнению, он любит.

Девушка считает каждый день с момента прошлой встречи и в нарушение всех правил влюбляется в Симамуру, хотя и знает, что ее любовь обречена...

Лаконичная и элегантная «Снежная страна» по праву считается классикой японской литературы и входит в число трех работ, особо выделенных при вручении Кавабате Нобелевской премии.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© The Heirs of Yasunari Kawabata, 1947
© Перевод. *З. Рахим*, наследники, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции. Отсюда начиналась снежная страна. Ночь посветлела.

Девушка, сидевшая по другую сторону прохода, поднялась, подошла и опустила окно рядом с Симамурой. В вагон ворвался холодный, пахнувший снегом воздух. Девушка далеко высунулась в окно и крикнула в пустоту:

— Господин начальник станции!.. Господин начальник станции!..

Неторопливо ступая по снегу, подошел человек с фонарем. На нем была меховая шапка, закрывавшая уши, и шарф до самого носа.

Неужели действительно так холодно, подумал Симамура и посмотрел в окно. Пустынное место. Лишь вдалеке, у подножия горы, где темнота поглощала снежную белизну, виднелось несколько унылых строений барач-

ного типа, очевидно казенные дома для железнодорожников.

— Это я, господин начальник! Какживаете?

— А-а, это ты, Йоко!.. Домой, значит, едешь... А у нас опять холода.

— Я слышала, младший брат теперь здесь, у вас, служит. Спасибо, что о нем позаботились.

— Служит, служит, да боюсь, зачахнет он здесь с тоски. Такое это уж место. Жаль, совсем ведь еще молодой парнишка.

— Совсем молодой, маленький даже. Вы уж, господин начальник, присмотрите за ним, поучите его, прошу вас!

— Ладно, присмотрю. Да он пока ничего, здоров, с работой справляется... А у нас тут скоро самая горячая пора наступит. В прошлом году такие снега были, жуть! И без конца снежные обвалы. Все поезда тут застревали. Так и стояли на путях. Жителям ближних деревень работы подвалило — они день и ночь варили рис для пострадавших.

— Господин начальник, кажется, вы очень тепло одеты? А брат писал, что до сих пор даже без жилетки ходит.

СНЕЖНАЯ СТРАНА

— Я-то? Тепло — на мне целых четыре кимоно. А молодым что? Как наступят холода, они, знай, сакэ тянут. А потом простужаются, валяются там... — Он махнул фонарем в сторону казенных домов.

- Как, неужели и мой брат пить начал?
- Да нет...
- Господин начальник, вы уже уходите?
- Да, к врачу мне надо. Ранен я.
- Ой, вот несчастье-то!..

Начальник станции — хоть на нем поверх кимоно было еще пальто — должно быть, не хотел задерживаться и болтать на холоде. Уже повернувшись спиной, он сказал:

- Ну, счастливо тебе доехать!
- Господин начальник, скажите, а сейчас брат не на дежурстве? — Взгляд Йоко скользнул по снегу. — Господин начальник, вы уж присмотрите за ним, умоляю вас!

Ее голос был до боли прекрасен. Казалось, он рассыпается эхом по снежной простыне ночи, но не теряет своего высокого звучания.

Поезд тронулся, а девушка не отходила от окна. Когда их вагон поравнялся с шагавшим вдоль путей начальником станции, она снова крикнула:

— Господин начальник, передайте, пожалуйста, брату, пусть в следующий выходной домой приедет...

— Хо-ро-шо!.. — во весь голос закричал начальник станции.

Йоко закрыла окно и прижала ладони к покрасневшимся щекам.

Здесь, в горном районе, на границе двух провинций, ждали снега. Три снегоочистителя стояли наготове. В туннеле с юга на север тянулась линия аварийной сигнализации на случай снежных обвалов. Для расчистки снега были мобилизованы пять тысяч рабочих и добровольная молодежная пожарная команда в составе двух тысяч человек.

Узнав, что младший брат Йоко служит на сигнальной станции, находящейся под угрозой обвала, Симамура почувствовал к незнакомке еще больший интерес.

Он мысленно называл ее «девушка». Он не знал, кем приходится ей мужчина, с которым она ехала, но держались они как муж и жена. Впрочем, мужчина был больной, и в таких случаях женщина обычно начинает ухаживать за своим спутником, и оба уже ведут себя без свойственной неблизким людям

СНЕЖНАЯ СПРАНА

сдержанности, и чем больше женщина ухаживает, тем больше походят они для постороннего глаза на супружескую пару.

Но Симамура мысленно отделил ее от спутника и называл «девушка» — такое она производила впечатление. А кроме того, он смотрел на нее по-особому, наблюдал за ней всю дорогу, и в его душе появились какие-то намеки на нежность, оттого ему и хотелось так о ней думать — «девушка».

Часа три назад Симамура, разглядывая свою левую руку, с удивлением отметил, что не он сам, а лишь рука со всей свежестью хранит воспоминание о женщине, к которой он сейчас ехал. Он, Симамура, словно бы забыл ее, она стала расплывчатой, неопределенной, и все усилия вызвать в памяти ее образ были тщетны. Очевидно, у рук есть своя память, и не Симамура, а только эта рука, не забывшая женского тепла, прикосновения, тянется к женщине. В изумлении Симамура даже поднес к глазам руку, а потом просто так провел ею по оконному стеклу и чуть не вскрикнул от изумления: на стекле возник женский глаз. Ничего особенного в этом не было, просто стекло отражало сидевшую по

ту сторону прохода девушку. Но Симамура думал о другом, потому так и удивился. Раньше отражения не было — стекло запотело от парового отопления, но, когда Симамура провел по стеклу рукой, оно сразу превратилось в зеркало, потому что за окнами уже сгустились сумерки, а в вагоне горел свет.

Отразился только один глаз девушки, но и один ее глаз казался необычайно красивым. Симамура, всем своим видом изобразив дождливую тоску, протер ладонью все стекло.

Девушка сидела чуть склонившись вперед и сосредоточенно, почти не мигая, смотрела на лежавшего перед ней мужчину. Ее взгляд, ее напряженные плечи, казалось, свидетельствовали, насколько она серьезно ко всему относится. Мужчина лежал головой к окну с согнутыми в коленях ногами, приходившимися на уровне груди девушки. Их места в вагоне третьего класса были не прямо напротив Симамуры, а наискось, за другими местами, и в стекле мужчина отражался не весь.

Со своего места Симамура отлично видел сидевшую наискосок девушку, но старался не смотреть в ее сторону, ему было неловко. Когда он сел в поезд, красота девушки, ка-

СНЕЖНАЯ СПРАНА

кая-то прохладная и пронзительная, поразила его, но в тот же миг он увидел бледную, желтую мужскую руку, сжимавшую ее руку, и решил, что смотреть неудобно.

Отраженное в стекле лицо мужчины производило впечатление спокойствия и умиротворенности, может быть, только потому, что он смотрел на грудь девушки. Да и вообще, казалось, весь он, сломленный болезнью, источал какую-то едва заметную, но сладостную гармонию. Ему под голову был подложен шарф, свободный конец которого прикрывал его рот и щеки, а как только он напознал на нос, девушка, не дожидаясь просящего взгляда мужчины, мягким движением его поправляла. Она делала это бесконечно часто и совершенно естественно, и наблюдавший на ними Симамура почему-то приходил от этого в раздражение. А еще она все время поправляла подол пальто, укутывавшего ноги мужчины. И тоже естественно, без всякой нарочитости. Очевидно, она утратила представление обо всем окружающем и вся была устремлена в никому неведомую, свою даль. У Симамуры создалось впечатление, будто не чужое горе он видит, а бесконечные фокусы

какого-то странного сна. Может быть, потому что он видел это отраженным в зеркальном стекле.

В глубине зеркала струился вечерний пейзаж, то есть не сам пейзаж, а тоже его отражение, и обе отраженные картины наплывали двойным кадром, как в кинофильме. Между фоном и действующими лицами отсутствовала какая бы то ни было связь, призрачная иллюзорность действующих лиц и зыбкий бег пейзажа растворялись друг в друге и создавали мистический мир символики. Это ощущение было настолько сильным, что Симамура застыл от восторга, когда на лице девушки вдруг вспыхнул огонек, засветившийся где-то в поле.

После захода солнца небо над далекими горами еще сохраняло бледную розоватость, и пейзаж за оконными стеклами еще не полностью расплылся во мгле. Но у пейзажа остались только контуры, краски исчезли, и все вокруг: горы, поля — казалось очень унылым, обыденным, лишенным каких-либо примечательных черт. И все же была в этом пейзаже некая страстная напряженность, как в неуловимом потоке чувств. Из-за лица девушки,

конечно. Отраженное в стекле лицо закрывало часть пейзажа за окном, но вокруг постоянно мелькали образы вечера, и поэтому лицо казалось прозрачным. И все же невозможно было из-за непрерывного мелькания убедиться, действительно ли прозрачно это лицо. Создавалась иллюзия, что вечерний пейзаж бежит не на заднем плане, а прямо по лицу девушки.

В вагоне было не очень светло и зеркало было ненастоящим, оно не отбрасывало света, не давало отчетливого изображения. И Симамура, смотревший в зеркало, постепенно забыл о нем, он видел только девушку, плывущую в потоке вечернего пейзажа.

Именно в этот момент на лице девушки и вспыхнул огонек. Отраженный огонек был слабым и не погасил настоящего огонька за окном, но и тот, настоящий, не погасил своего отражения. Огонек проплыл сквозь ее лицо, однако не осветил его — это был холодный, далекий свет. И все же зрачок вдруг вспыхнул в тот момент, когда огонек наплыл на отраженный в стекле глаз, и это был уже не глаз, а прекрасный, загадочный, фосфоресцирующий светлячок, плывущий в волнах вечерних сумерек.

Йоко не замечала, что за ней наблюдают, все ее внимание было поглощено больным. Но если бы даже она обернулась в сторону Симамуры, она бы увидела не свое отражение в стекле, а смотрящего в окно мужчину и все равно бы ничего не заметила.

Наблюдая украдкой за девушкой, Симamura совершенно забыл, что ведет себя по отношению к ней не очень-то красиво. Его увлекла ирреальность зеркала, отражавшего вечерний пейзаж.

Возможно, из-за этой же ирреальности он вдруг почувствовал себя персонажем какой-то повести и проникся еще большим интересом к девушке в тот момент, когда она — тоже чрезвычайно серьезно — заговорила с начальником станции.

Когда поезд отошел от станции, темнота за окнами стала непроницаемой. Зеркало, как только исчез поток пейзажа, утратило свою магическую силу. Правда, красивое лицо девушки все равно в нем отражалось, но в этой красоте была прозрачная холодная ясность, несмотря на нежную заботу, проявляемую девушкой к своему спутнику, и Симamura не стал больше протирать запотевшее стекло.

СНЕЖНАЯ СПРАНА

Но любопытству Симамуры было суждено вспыхнуть еще раз: девушка и ее спутник сошли на той же станции, что и он. Симамура даже обернулся к ним, словно они имели к нему какое-то отношение, и его взгляд спрашивал: что же дальше? Но он тут же устыдился своего поведения, совсем уж неприличного, да и холодный воздух, обдавший его на платформе, подействовал отрезвляюще. Не глядя больше в их сторону, Симамура перешел путь перед паровозом.

Когда мужчина, держась за плечо девушки, хотел тоже перейти путь, станционный служащий взмахом руки остановил их.

Из мрака возник длинный товарный состав и скрыл их от Симамуры.

Агент гостиницы был закутан, как пожарный на пожаре: уши спрятаны, на ногах резиновые сапоги. Женщина в зале ожидания, смотревшая в сторону путей, тоже была одета тепло — синяя накидка, капюшон.

Симамура, еще не успевший остыть от тепла вагона, не сразу ощутил холод. Но его испугал даже не сам холод, а основательная

одежда жителей этого снежного края, где зимой он был впервые.

— Неужели здесь такие холода? Очень уж вы все закутаны...

— Да, господин. Мы все уже в зимнем. Особенно морозно по вечерам, когда после снегопада наступает ясная погода. Сейчас, должно быть, ниже нуля.

— Уже ниже нуля?

Садясь вместе с агентом в машину, Симамура окинул взглядом дома, утопавшие в снегу. С крыш свисали маленькие изящные сосульки, а дома, и без того низкие, из-за снега казались еще более приземистыми и неуклюжими. Деревня была погружена в тишину.

— Н-да, холодно. До чего ни дотронешься, все холодное.

— В прошлом году тоже стояли большие холода. До двадцати с чем-то градусов ниже нуля доходило.

— А снегу много?

— В среднем снежный покров — семь-восемь сяку*, а при сильных снегопадах более одного дзё**.

* Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

** Дзё — мера длины, равная 3,03 м.

СНЕЖНАЯ СТРАНА

— Теперь, наверно, начнет сыпать...

— Да, сейчас самое время для снегопадов, ждем. Вообще-то снег выпал недавно, покрыл землю, а потом подтаял, опустился чуть ли не на сяку.

— Разве сейчас тает?

— Да, но теперь только и жди снегопадов...

Было начало декабря.

Симамура громко прочистил свой нос, уже давно забитый простудой, у него снова начинался насморк.

— Не знаете, девушка, что жила в доме учительницы, все еще здесь?

— Да, все там же живет. Она была на станции, не заметили? В синей накидке.

— Это она была? Ее можно пригласить?

— Сегодня?

— Да.

— Не знаю. Она говорила, на последнем поезде должен приехать сын госпожи учительницы. Его она и ходила встречать.

Интересно... Значит, в зеркале, на фоне вечернего пейзажа, он видел Йоко, ухаживавшую за больным сыном хозяйки дома, где живет женщина, ради которой он сюда приехал...